

УДК 821.51, 82-3, 908

С.С. Динисламова

К вопросу об изучении творчества Ювана Шесталова в отечественном и зарубежном литературоведении

Аннотация. В зависимости от исторического времени наблюдается несколько подходов к осмыслению творчества мансийского писателя Ювана Шесталова. Статьи 1960-х годов отличаются идеологической предвзятостью, в 1970-80-х годах делаются первые выводы и обобщения, характеризующие творческий рост писателя. Основным критерием оценки его личности и творчества до 1990-х годов становится знание им своего народа, его традиций и верований. После 1990-го года начинается новое – научное исследование художественного мира писателя.

Ключевые слова: Шесталов, Юван, поэт, Языческая поэма, Миснэ, фольклорная традиция, творчество, роман-сказание, роман-камлание.

S.S. Dinislamova

On the issue about study of Yuvan Shestalov's creativity in the domestic and foreign literature

Summary. Depending on the historical time there are several approaches to the comprehension of creativity of Mansy writer Yuvan Shestalov. His articles of the 1960s different by their ideological bias, in the 1970-80 years he make first conclusions and summarizing, describing the creative growth of the writer. The main criterion for assessment of his individuality and creativity to the 1990s becomes the knowledge of his people, his traditions and beliefs. After 1990s a new thing begins – it is scientific research of the art world of the writer.

Keywords: Shestalov, Yuvan, poet, Pagan poem, Misne, folklore tradition, creativity, novel legend, novel-kamlanie.

О творчестве Ювана Шесталова написано более двухсот критических и научных статей, три крупные работы – статья венгерской исследовательницы Каталин Надь, посвященная шестидесятилетию юбилею поэта, диссертационные исследования Е.В. Чепкасова «Художественное осмысление шаманства в произведениях Ю.Н. Шесталова 1955-1988 гг.» и С.С. Динисламовой «Эволюция творчества Ювана Шесталова».

В зависимости от исторического времени наблюдается несколько подходов к осмыслению творчества поэта, писателя, журналиста. Многие статьи, написанные в 60-е годы XX века, отличаются идеологической предвзятостью. Шесталов в них предстает «правофланговым в поэзии северян» (М. Воскобойников), «вдохновенным певцом великого социалистического обновления жизни»

(В. Лебедев), «певцом возрожденного края» (Л. Чуднова). Статьи 1970-80-х годов содержат в себе образно-тематический, сравнительно-сопоставительный анализ отдельных произведений писателя, в них делаются первые выводы и обобщения, характеризующие его творческий рост, опыт Шесталова чаще рассматривается в контексте литературных движений эпохи. Основным критерием оценки его личности и творчества до 1990-х годов становится знание им своего народа, его традиций и верований. Специальных, фундаментальных работ творчеству Ю. Шесталова в этот период не было посвящено. После 90-го года, по нашим наблюдениям, начинается новое – научное исследование художественного мира писателя.

Первая рецензия, посвященная стихотворениям Шесталова, была опубликована 17 марта 1957 года в газете «Ленинская правда».

Она сопровождала стихотворения «Ас» («Обь») и «Тэлы» («Зима»). Автором рецензии является М.П. Вахрушева. В апреле 1958 года в этой же газете опубликованы еще две статьи о Шесталове: Б. Томаревского «Молодой поэт мансийского народа» и В. Попова «Стихи И. Шесталова». Каждая из публикаций для начинающего поэта значима. Особо значимыми в начале творческого пути стали для него слова известного поэта М.А. Светлова: «Как вообще угадывается талант? Он может, я не могу. Значит, он – талант» [1, 35].

В ответ на признание своего поэтического дара Шесталов посвящает Светлову стихи, в которых отражает стремление к творческой деятельности:

... Я из новых,
молодых костей,
Только в сердце
прежней боли груз.
Новая из новых шкур постель –
Прежняя в мансийском сердце грусть.
И настал, настал великий век.
И сегодня снова я пою.
С солнцем в сердце,
С солнцем в голове
Манси песню слушают мою... [2, 232]

В эти же годы поэт-манси посвящает стихи В. Федорову и М. Дудину. Дудин – первый, к кому обратился Шесталов за поддержкой. В его переводах в журнале «Нева» были опубликованы стихотворения поэта в 1957 году. Федоров также оказал большое содействие Шесталову в период становления его таланта. Отметим, что в 1978 году в статье «Даль памяти народной» Ю.Л. Прокушев вполне обоснованно ставит перед исследователями проблему преемственности этих двух певцов сибирской земли – М. Федорова и Ю. Шесталова.

Мансийского поэта не оставили без внимания и на 4-м съезде писателей. Его имя неоднократно упоминалось среди наиболее одаренных молодых литераторов – и в «Слове о поэзии» М. Дудина, и в докладе «Современность и проблемы прозы» Г. Маркова.

Особо гордится Шесталов мнением А.Н. Баландина. Ученый называет поэта реформатором национальных художественных традиций,

а сборнику «Миснэ» (1961) дает следующую оценку: «Сборник «Миснэ» представляет собою значительное явление в творческом росте молодого поэта Ювана Шесталова. В этом сборнике много новых тем, много новых идей, в нем большое жанровое разнообразие стихов и новых приемов в мансийском стихосложении» [3, 9].

Баландин написал не только вступительную статью к сборнику, он является автором смысловых переводов на русский язык. Шесталов с благодарностью вспоминает: «Алексей Николаевич Баландин сам пробовал писать на мансийском языке стихи. Переводил с русского на мансийский. В поэзии очень трудно это сделать. Он меня заинтересовал этим. Я искал формы, как выразить. Кроме этого я русскую поэзию читал. И вот на мои стихи в сборнике «Миснэ» Баландин сделал смысловой перевод. Мансийским языком он владел хорошо. Он ученый с большим опытом работы. До этого мои стихи переводили поэты, но здесь сделан перевод ученым человеком! Он как бы этим меня благословил» [3, 9].

Сборник «Миснэ» – единственная книга Шесталова, включающая в себя оригинальные тексты стихотворений на родном языке с приложением смысловых переводов на русский язык. Работы такого содержания, как отмечает Баландин, представляют «большой выигрыш для литературы» [3, 9]. Они помогают переводчикам правильнее понять специфику национальных образов и предупреждают от чрезмерно свободной их трактовки.

Творчество поэта в 1963 году раскрывает А. Петров. В статье «Дата рождения – XX век» творчество начинающих поэтов Владимира Санги и Ювана Шесталова он сравнивает с небольшой, но яркой страницей в истории многонациональной литературы. Раскрывая мировоззрение Шесталова, критик подчеркивает его веру в силу своего народа, в дружбу народов. Поэт понимает, что свобода в его край пришла в результате Великой Октябрьской социалистической революции. При этом к прошлому он подходит критически, так как видит в нем «не только темные стороны, но и истоки того духовного расцвета, которые были заложены в народе и существовали всегда» [4, 127].

Петров отмечает, что лучше всего поэт поет о родном крае, и дело здесь не только в том, что Шесталов хорошо знает свою родину. Он незримо связан с духовной жизнью народа, и в творчестве продолжает развивать устоявшиеся веками традиции. Тема родины, вбирающей в себя быт родного народа, его обряды, поверья, Россию, русскую школьную учительницу, любимую женщину – ленинградскую Миснэ, является главной в раннем творчестве писателя.

В 1968 году о глубине поэзии Шесталова высказывается Н. Кутов: «Когда я перевожу Ювана, мне всегда кажется, что он намного старше меня в своих стихах, что он принадлежит к поколению поэтов тридцатых годов. Кажется, что его стихи о революции, о первых комсомолках снежной России рождены непосредственными впечатлениями тех лет» [5, 170]. Критик говорит о поэтической зрелости Шесталова, о чувстве глубокой ответственности за судьбу народа, однако, причисляя его к поколению 30-х годов, тем самым «делает» немного «старомодным» или отстающим от времени. Безусловно, для 60-х годов стихи о революции выглядят наивно, но поэт как выразитель народной «души» поет о самом значимом и непреходящем, он радуется счастливым переменам в жизни людей. Исторический путь народа манси от невежества и темноты к счастливой жизни – вторая центральная тема ранней поэзии Шесталова.

Одним из перспективных направлений в литературах Севера является развитие в них художественного очерка и публицистики. Знание Шесталовым самобытной культуры манси, людей края требовало выхода не только через поэзию, но и через оперативные жанры публицистики. В 60-е годы он пишет статьи: «Медвежий праздник (об искусстве народа манси)» (1962), «Мое Березово» (1962), «Оленеводы» (1963), «В селе моего детства» (1963) и др. Писателя беспокоят и экологические проблемы, что говорит о его сопричастности к своему времени, сформировавшейся авторской позиции и стремлении к художественному обновлению. Его очерки – «Северные новинки» (1965), «Чудо на Югре» (1967), «Сказка и

жизнь» (1967) и др. – раскрывают перемены в жизни края, призывают заботиться об окружающей природе.

Интересно высказывание Н. Кутова. Совместная поездка писателя и критика в Сибирь состоялась в то время, когда там начинались «великие» перемены. Они правдиво отражались поэтом-манси. Только на Севере, «слушая шум ветра, видя зеленые волны тайги», критик по-новому открыл для себя Шесталова, осознал его озабоченность, ведь «исконные ценности этого края могут исчезнуть, если не охранять их. Нельзя допускать, чтобы реки превращались в сточные каналы <...>, хотелось бы наиболее гармоничного сочетания промышленности и природы» [5, 173]. В целом же тематика очерков Шесталова широка, преобладающим становилась та или иная тема, возникающая на основе реальной действительности.

В 1971 году В.А. Солоухин пишет вступительную статью к «Языческой поэме». В ней есть строки: «Существует правильное мнение (и Юван Шесталов его своим творчеством подтверждает), что большой художник на протяжении всей творческой жизни хотя и пишет разные произведения, но создает как бы единое, цельное полотно» [6, 6]. Действительно, творчество Шесталова представляет собой стройную систему. Оно объединено одним мироощущением, подчинено единому замыслу, единой композиции; «системность» творчества достигнута осознанием миссии – сохранить, выразить, ввести в мировую культуру дух родного народа и его исторический опыт. Солоухин называет поэта «связным», «выразителем» души народа манси. Так, им раскрывается портрет художника: «Он весь насквозь... генетически напитан охотничьими инстинктами и традициями... А шаманское «нечто» в нем есть, это точно... Стихи Юван легко перемежает лирической прозой... [В «Языческой поэме»] верха выразительности Юван достигает в «Пятой думе медвежьей головы»... Он выходит на обобщение, и это обобщение достигает взрывоопасной силы» [6, 21]. Критиком выявлен особый дар писателя, заключающийся в том, что при чтении текста читателя не покидает ощущение, будто он читает стихотворения, написанные им самим:

... На столе большом сижу,
На столе большом священном,
С высоты стола гляжу
На людей, на пол, на стены.
Ночь – к рассвету. Я не сплю,
Думу думаю свою... [2, 128].

Подчеркивая самобытность творчества писателя, Солоухин проводит параллель между его «Языческой поэмой» и «Песнью о Гайавате» Г. Лонгфелло. Он отмечает, что в отличие от таких поэтов природы, «как Пришвин и Лонгфелло, Шесталов не пришел к природе, а вышел из нее. Его стихами говорит не только народ манси, живущий среди природы, но и природа как таковая» [7, 57]. Так мы подошли еще к одному источнику вдохновения поэта – природе родного края.

О «Языческой поэме» ярко высказывается Ю.Л. Прокушев. Он делится ощущениями от ее прочтения – как будто «испил из родника студенной ключевой воды». В поэме картины жизни «столь необычны и первозданны, столь эмоционально возвышенны и образно-метафоричны, столь напряженно-глубоки по мысли, значительны по своим гражданским идеалам, наконец, столь драматичны, а порой и трагичны, что их невозможно было воспринимать спокойно и тем более равнодушно» [8, 6]. Поэма покорила Ю.Л. Прокушева своей «поэтической дерзостью», наполненностью стихотворений «глубокой, нескрываемой авторской иронией», смелым обращением к «богатейшим сокровищам древних мансийских сказаний, легенд, песен». Очевидным для критика стало то, что для поэта главное – «наш день, жизнь его народа сегодня» [8, 6], обращение же к прошлому вызвано его стремлением осмыслить связь времен. По определению Ю.Л. Прокушева, «Языческая поэма» – «одно из выдающихся произведений советской многонациональной литературы, одна из лучших современных поэм, книга богатейшей художественной смелости» [9, 193].

Начиная с 1962 года за творческим маршрутом Шесталова пристально следит Л.В. Полонский. Нам известны десять его работ. Для последовательного освещения созидательного пути писателя обратимся к работам середины

70-х годов – к первой критической статье о повести «Тайна Сорни-най» (1976). В статье «Легенда, ставшая былью» критик называет повесть «умным, добрым, поэтическим произведением». Он рассматривает ее по определенной системе, раскрывающей связь времен: «Можно с полным основанием утверждать, пользуясь известными высказываниями А.М. Горького, что в произведении Шесталова сочетаются «действительность прошлого», «действительность настоящего» и «действительность будущего» [10, 3].

Повести «Тайна Сорни-Най» статьи посвятили Г.А. Черная, А. Николаев, В. Гилев, А.В. Пошатаева, В.Д. Лебедев, Н. Качмазова и др. Оценка произведения неоднозначна. Исследователи раскрывают идейно-художественное своеобразие произведения, подчеркивают его значимость в творческой биографии писателя, более поздние работы направлены на исследование мифо-фольклорных начал повествования.

В.Д. Лебедев считает, что повесть не стала творческой удачей художника, так как в ней «нет того чарующего, обостренно-поэтического восприятия мира, которое волновало, увлекало, заколдовывало читателя в первых повестях. Он пишет: «Тайна Сорни-Най» сконструирована, сделана, а не рождена вдохновением. Ю. Шесталов увлекся, пошел по накатанной тропе. В его повести многое вторично, уже известно: все тот же прием ретро (возвращение из сегодняшнего дня в прошлое)» [11, 120]. Считаем, что именно «прием ретро» и создает неповторимый эмоциональный и эстетический микроклимат повестей Шесталова. Писатель творчески подходит к фольклорному наследию народа, переосмысливает и обогащает его идейно-эстетическое содержание на новом историческом уровне. Лебедев «недостаток повести» увидел в художественном решении образа главного героя. Он пишет: «<...> по автору, в идеале Сергей Лугуй должен гармонично соединить в себе все лучшее из традиционного и современного. <...> Однако Сергей считает себя прямым наследником комсомольских традиций. <...> Автор не замечает (по крайней мере – прощает) флюгерности Сергея» [11, 124]. Сам писатель

по этому поводу отмечает: «С высоты полета своего времени я стараюсь пристальнее взглянуть на мир и, призадумавшись, уловить суть происходящего не только во мне, но и в душе моего современника, во всем сложном и противоречивом мире» [12, 158].

Повесть «Тайна Сорни-Най» написана Шесталовым от третьего лица. В отличие от автобиографических повествований, в ней соблюдается дистанция между повествователем и центральным персонажем. Чтобы подчеркнуть эту дистанцию, автор часто оправдывает поступки героя. Считаю, что в повести Шесталов прослеживает рождение «нового» человека Севера, покоренного современностью. И об этом справедливо высказывается Н. Качмазова. Она отмечает, что семантика жанровых симбиозов в северных литературах 60-70-х годов в основе имеет однозначное представление о цивилизации как царстве науки и техники. Наряду с этим в культурах северян наблюдается возрождение ценностной значимости национальных, этнокультурных и природных явлений и процессов. Это возрождение связано с новым пониманием содержания личности, которой для «осуществления себя и самоопределения в бытии понадобилось заново освоить те ценности, которые были в архаическом сознании» [13, 179]. Считаю, что герой-манси Шесталова в повести «Тайна Сорни-Най» осознает место этих ценностей в своей жизни. Более того, он ищет способы совмещения этих ценностей с ценностями цивилизованными. Трудности же идут от необратимых процессов угасания традиционной культуры.

В 1979 году Н.Г. Михайловская обращается к анализу языка произведений Шесталова. Одним из основных признаков индивидуального стиля писателя она отмечает двуязычие. Исследовательница приходит к выводу: Шесталов в своих произведениях широко использует двуязычный параллелизм при употреблении топонимических и омонимических названий (например: «... Березово. По-мансийски Хальус. Это значит березовый город, город в березах»); иногда употребляет русский перевод мансийского слова, обозначающего новое понятие (например: «огненная вода» – нефть); применяет «нанизывание» вопросительных

предложений («Кто такой Революца? Если это человек, то какие у него глаза, руки, голова? Головой он силен или руками?») [14, 53]. Михайловская отмечает, что применение «нанизывания» вопросительных предложений сообщает контексту характер полифонии. Вместе с тем эта полифония эмоций, отражающая различные чувства: страх, надежду, настороженность, сомнения. Данный контекст показателен для поэтики Шесталова в целом, писатель идет от слова к емкому и многогранному образу.

Э. Бальбуров в статье «И что без бури океан!..» (1979) осмысливает творческую эволюцию Шесталова в период обращения к прозе. Повесть «Синий ветер каслания» позволяет критику сделать такие наблюдения: только в каслании, в родном краю «душа поэта однажды очнулась, и он увидел край, знакомый с колыбели, словно сотворенный заново» [15, 104]. Но не одна только природа с ее вечной и непостижимой красотой владеет воображением поэта. Как подмечает Бальбуров, автор будущей «Языческой поэмы», где проблематика времени ворвется в стих подобно шквалу, чувствуется уже в период создания первой повести, правда пока только – «в смущенном удивлении перед открывающимися далями жизни, сложности и радости, которую обещает ее художественное постижение» [15, 104]. Данные строки, подчеркивающие творческий рост поэта, раскрывают еще один источник его вдохновения – проблематику времени. Время в творчестве Шесталова – это промежуток, вмещающий конкретную человеческую жизнь и одновременно всю историю народа, в этом времени – гигантское столкновение противоречий, будоражащих поэта сегодня и устремленных в будущее.

Венгерская исследовательница Каталин Надь отмечает, что пространственные и временные сдвиги в произведениях Шесталова «рождались» под воздействием его духовной тоски по родине, внутренней ответственности за своих мертвых и живых земляков, надежды на возвращение к родному очагу, ностальгии по детству, «которое было наполнено живыми рассказами, песнями, материнской лаской и теплотой бабушки с дедушкой» [16, 514]. Исследовательница характеризует еще одну

особенность творчества писателя – автобиографизм: «Творческие методы Шесталова обуславливаются объективными и субъективными факторами, такими как: древнее наследие мансийской народной поэзии, фольклор; примеры классической и современной мировой литературы; гетерогенный слой читателей; миссия, роли, которые он брал на себя. Поэтому творчество Шесталова в прямом и переносном смысле этого слова является расширенной автобиографией» [16, 513]. Автобиографизм – характерная черта творчества Шесталова. Эпический план произведений выстраивается им на материале собственной биографии.

В 1987 году Шесталову исполнилось 50 лет. В честь памятного события в «Литературной России» вышла обзорная статья П. Уляшева «Нужны мне крылья...». Анализируя раннюю поэзию, автор называет Шесталова поэтом счастья и гармонии жизни. Истоки этого критик видит в самом детстве поэта, в его первых, незамутненных впечатлениях, не искривленных «здравым опытом, житейским расчетом» [17, 5]. Он отмечает, что поэт, многократно усиливая свое удивление о познанном в детстве, «своим восторгом заражает нас, казалось бы, много изведавших, много знающих...» [17, 5]. Восторг Шесталова нами рассматривается как чуткость, чувственность души, его искренность и доверительность. Естественной, природной жизни присуща радость бытия, гармония чувств. Этими качествами обладает творчество писателя, во всяком случае, в первую очередь. В каждом произведении раскрывается мироощущение поэта. Например, его индивидуальное творческое самовыражение раскрывается строками: «Я – человек – венец творенья, / я – мое стихотворенье», а понимание жизни – «Как хорошо на свете, / Целую землю-мать, / Людей, деревья эти / И солнце понимать!». Примеры взяты из раннего творчества поэта, в них таятся глубинные чувства.

Переход писателя от поэзии к прозе Уляшев связывает с его неумной жадностью познать себя и мир, разгадать извечные тайны жизни. Проза Шесталова «переходит в стихи, стихи – в сказку, сказка в наш день. И все вместе рождает удивительный сплав, которым автор определил жанр одной из своих книг: «слово –

дело – песня» [17, 5]. Речь идет о повести «Синий ветер каслания» (1964). Свою статью Уляшев завершает высказыванием Шесталова, дающим ключ к пониманию творчества: «Когда я пел про синий ветер каслания, я думал не только о цвете ветра и игре звуков под копытами оленей, сколько о жизни с ее запахами и красками, о ее вечном ритмичном движении. Задача моя была довести до слуха читателя древнюю музу моего Севера, поведать о белой тайге, где бродит жизнь рядом со сказкой. Этой сказкой, может быть, дышали все народы, я ею дышал еще вчера» [17, 5]. Данные слова определяют связь литературы с фольклором, объясняют жанрово-стилевую и идейно-тематическую структуру творчества писателя, в котором фольклор является своеобразным фундаментом.

В повести «Синий ветер каслания» Шесталов талантливо раскрывает быт и нравы людей, повествует об обычаях, обрядах. Уляшев отмечает, что для писателя все это слишком близко и «все это еще живо в душе и сознании народа, который на протяжении жизни одного поколения шагнул в космический век» [17, 5], то есть истоки творчества Шесталова кроются в особенностях национального художественного сознания народа. В целом же, взаимодействие творчества писателя с фольклором проявляется не только в содержании повествований, в характеристике героев, сюжетопостроении и композиции, но и в языке и стиле. Благодаря освоению фольклорных традиций Шесталову удалось в ярко выраженной форме воплотить в произведениях всю специфику национального сознания, духовной жизни, культуры и быта народа. Отразил писатель и противоречия времени. В повести «Синий ветер каслания» его герой размышляет больше о «настоящей действительности», а в повести «Когда качало меня солнце» раздумья героя – и о настоящей, и о «прошлой действительности». Второе повествование можно рассматривать как исповедь человека, который на примере истории своего народа, избегнувшего реальной угрозы вымирания, осознал значение времени и свою миссию. Произведение насыщено внутренними раздумьями героя, его сокровенными переживаниями.

В 1987 году в честь пятидесятилетия писателя издается сборник «Юван Шесталов. Избранные произведения». Вступительная статья «Малый и большой мир поэта» написана Л. Лавровым. В ней есть строки: «Поэт начинается с самопознания, с настойчивых вопросов: кто я, кто мы, как мы жили раньше, как будем жить завтра, кто ты, человек? В этом сложном процессе самопознания, в поиске своего слова опорой и примером для Шесталова явилась русская культура. Символом этой культуры для поэта навсегда стал Ленинград» [18, 6]. Автор справедливо считает, что, общаясь к русской и мировой культуре, поэт-манси постепенно определяет и свой стиль. Однако необходимо отметить, что первая «встреча» с русской культурой у Шесталова произошла в годы учебы в школе. Именно со «встречи» с великим Пушкиным началось его поэтическое пробуждение. Волшебные строки Пушкина затронули душу мальчика, взволновали его чувства, пробудили в нем поэтическое мышление.

Далее Лавров пишет о том, что писатели-северяне, хотя и отошли от природного истока – того мира, где человек ощущает себя частицей всего сущего, но продолжают остро ощущать живительную силу этой связи. Их произведения отличаются экологической нравственностью, предостерегают от заносчивости, «поспешности в делах, которые могут привести к печальным результатам, нарушить вековечный союз человека с землей, тайгой, рекой» [18, 7]. Данные слова напрямую относятся и к мансийскому писателю.

Далее отметим тот факт, что после 1987 года (в 1987 году издано более 10 объемных статей о Шесталове) литературная критика на время потеряла интерес к творчеству мансийского писателя. В 1989 году переиздавались статьи Ю. Прокушева «Основоположник», В. Солоухина «Сосьвинские мотивы». Издано несколько работ в областной (Тюменской) и окружной (Ханты-Мансийской) газетах. Примечательным является то, что в 1988 и 1992 гг. вышли две статьи, написанные представителями народов манси и ханты: Э.И. Мальцевой и А.М. Сенгеповым. До 1987 года из представителей этих народов творчество Шестало-

ва рассматривали М.П. Вахрушева (1957) и Е.Д. Айпин (1982). Работы названных авторов раскрывают творческий портрет Шесталова, они носят историко-биографический, отчасти генетический характер.

С 1993 года начинается качественно новая (научная) волна исследования творчества писателя-манси. Сначала обратимся к монографии венгерского ученого Петера Домокоша «Формирование литератур малых уральских народов» (1993), в которой автор обрисовывает историю развития литератур, их взаимосвязи и характеризует отдельных писателей.

Приход Шесталова в литературу, в том числе и советскую, Петер Домокош сравнивает с кометой. Истоки творчества поэта он видит в прошлом и в традициях народа. Исследователь пишет о том, что дед писателя был шаманом, а отец – председателем колхоза, подчеркивая тем самым два начала, две исторические традиции, полученные Шесталовым в наследство от предков: древнюю, уходящую корнями в языческие пласты человеческой культуры, и современную, связанную с новыми веяниями времени. Причину обращения писателя от родного языка к русскому исследователь видит в отсутствии интереса у читателя. Отметим, что интерес к книге на мансийском языке у читателя не пропадал. Ограничен был читательский круг, так как книги полностью «оседали» в библиотеках, которые находились только в крупных населенных пунктах, тогда как основная часть манси жила в поселениях, далеких от центра. Многие носители языка не владели грамотой. Свой переход на русскоязычное творчество Шесталов связывает с желанием рассказать большему кругу читателей о родном крае, народе, времени.

Петер Домокош, рассматривая вопрос о взаимосвязях уральских литератур, пишет и о встречах венгров и «мансийцев», которые были очень важны, прежде всего, для Шесталова. После выхода его сборника стихотворений «Макем ат» («Запах земли моей», 1958), в 1959 году некоторые стихотворения на венгерский язык перевел Геза Кепеш. Петер Домокош отмечает неожиданную популярность Шесталова в Венгрии, под влиянием впечатлений поэт-манси создает поэму «Юлиан»,

в которой дает поэтическое оформление теме новой (после Юлиана) встречи двух близких родственными народами. Данное произведение, по мнению исследователя, является «своего рода мансийским соответствием романа Кодолани о Юлианусе» [19, 215]. Шесталов внимательно относится к венгерской литературе, читал труды Берната Мункачи. Это означает, что писатель, уже в начале творческого пути, соприкоснулся с самыми архаическими пластами мансийского фольклора, тем, что невозможно уловить, запомнить и тем более воспроизвести в творчестве при простом прослушивании фольклорных текстов.

Особый интерес для исследования представляет труд В.Д. Лебедева «Манси. Очерк истории литературы» (1995). Творчество Шесталова рассматривается им в контексте национальной культуры манси. Исследователь пытается ответить на вопросы: «как свершилось рождение на наших глазах художественного феномена Шесталова, чем обогащает мансийское художественное слово мировую культуру?» [20, 6]. Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо иметь представление о культуре народа, о его историческом пути. Поэтому книга Лебедева открывается большим историко-этнографо-культурным экскурсом. В ней представлена дореволюционная и советская историография, посвященная вогулам (манси), дается информация о религиозных верованиях, традициях народа. Специальный раздел посвящен описанию особенностей устно-поэтического наследия манси, кратко освещается опыт предшественников Шесталова в родной литературе. Данные сведения позволяют осмыслить сложную проблему традиций и новаторства, стоявшую в свое время перед основоположником мансийской литературы.

В 2003 году в издательстве «Литературная Россия» вышла книга «Мансийская литература» (составитель В.В. Огрызко). В ней творчеству Шесталова отведено 8 объемных статей. Они написаны в разные годы. В.Д. Лебедев в статье «Моя любовь и страсть» (1995) объясняет причину обращения Шесталова к этнографическим трудам первых исследователей Севера: «... не случайно Шесталов часто обращается к книге К.Д. Носилова «У вогулов»

(СПб., 1904). Это образец русской историко-этнографической художественной беллетристики дореволюционного периода демократического направления, посвященной аборигенам Тобольского Севера» [21, 31]. Отметим, что именно от этой книги, книги-оппонента, чаще всего отталкивается Юван Шесталов в страстной полемике по вопросу исторических судеб своего маленького народа. Он справедливо считает, что в них «человек северного сияния, одетый в шкуру, живущий в чуме из шкур, вставал таким же непонятным и таинственным существом, как безмолвная тундра с вечным снегом, как дремучая тайга с ее красивыми оленями, белками, соболями» [22, 5]. Образ реальных людей Севера адекватно изобразили только сами писатели-северяне, в том числе и Ю. Шесталов.

В статье «Изменение действительности» (2003) О.А. Соляр внимательно подходит к понятию «национальный характер». В образе «человека Севера», который она раскрывает, мы находим не только многочисленных героев Шесталова, но и самого писателя с его стойкостью, напористостью, самоуверенностью, ранимостью, сострадательностью и искренностью. Соляр пишет: «Дом, машина, дача, квартира – это внешние атрибуты, которые в лесу не имеют никакого значения. Главное в тайге – это твой внутренний мир, твое внутреннее содержание. Там важно твое отношение к сидящему рядом» [23, 51]. Шесталов, как подмечает О.А. Соляр, производит впечатление «властелина», «хозяина жизни», «главного на празднике». Эта уверенность выражена в его внутреннем содержании, которое выплескивается со страниц произведений, его сила духа передается всему залу, когда он выступает с речью.

Интересные наблюдения о Шесталове высказывает французский ученый Доминик Самсон Норман де Шамбур. Он пытается критически переоценить советский период творчества писателя, положительно характеризуя его изначальную близость к фольклору и осуждая «поэтическую» публицистику 90-х годов. Ученого интересует взгляд писателя на современное историческое время. Им исследуется повесть «Когда качало меня солнце», он обращается к строкам повести: «И есть русские

<...> Они учат манси различать следы мыслей на бумаге. И говорят, что они лучше шаманов умеют лечить больных. Дедушка мой этому не верил. Он сомневался: разве могут какие-то лекарства колдовать лучше шаманов. Дедушка произносил это тихо, так, чтобы мой отец не слышал. Мой отец – большой человек. Он не только рыбак и охотник, но и председатель колхоза» (Шесталов). Так комментирует этот текст Доминик Самсон Норман де Шамбург: «Эта двойная жизнь манси, подчеркнутая популярным писателем, свидетельствует о трудностях сосуществования столкнувшихся октябрьской революцией поколений, об удалении сынов от отцов своих и, в конце концов – о будущей пропасти, наметившейся между целиком и полностью продуманной советской властью туземной интеллигенцией и самим народом» [24, 87].

Творческие устремления писателя в советские годы исследователь называет «охотой»: «Перед утратой своих земель манси стали охотиться по-другому. Теперь охота появилась в больших городах <...> по улицам города Ленинграда «сиротливый манси» двигался как охотник в тайге, но стараясь при этом уловить слова. <...> Для Ю.Н. Шесталова охота не была напрасной: лауреат Государственной премии РСФСР...» [24, 87].

Подобные высказывания и оценки, даже если они в отдельных случаях основываются на анализе материала, в значительной степени лишены объективности и, несмотря на исследовательский характер, тяготеют к публицистике. За строками французского исследователя стоит, конечно же, мнение ярого критика творчества Шесталова, а вернее его личности – В.В. Огрызко. Доминик Самсон Норман де Шамбург в статье повторяет его мысли и часто цитирует высказывания. Как и Огрызко, он отмечает, что в произведениях Шесталова, на глазах которого произошли все великие потрясения, поставившие мансийский народ «на грань гибели», лишь зарисовки и пережитки мира мифологических героев. Считаем не совсем справедливым данное высказывание. Во-первых, народ не стоит на грани гибели, во-вторых, творчеством писатель как раз развивает родной язык и культуру народа. Именно ему принадлежит основная роль в возрождении традиционных обрядовых пред-

ставлений. Так, в 1985 году в поселке Сосьва Березовского района впервые после запрета он организовал «Тулыглап» – Медвежьи игрища. Праздник транслировался по центральному телевидению. В настоящее время обряд «Тулыглап» на территории Ханты-Мансийского автономного округа проводится повсеместно и периодически.

Исследователь так характеризует современный этап творчества Шесталова: «Писатель беспокоится лишь о Мощ-Мир, мудрость которых основана на «альтеричности», то есть на признании второго «я». <...> Двухсторонняя схема составляет ось, по которой связаны произведения Шесталова: герои находятся между терзаниями неизбежной историчности и невозможным возвращением к мифу, символизированному возобновлением образа дедушки» [24, 87]. Сказанное отчасти можно считать справедливым. Творчество Шесталова движимо кризисами общественной жизни. Но творческий поиск писателя закономерен: если он создает научно-фантастическую повесть, то естественны идеализация, приукрашивание, удивление; если он обращается к теме родного народа, то естественна его боль об утрачиваемых культурно-исторических традициях. Такие произведения раскрывают глубины народной памяти. Например, Асьойка у писателя закономерно несет коллективную память рода, морщины своих предков, бремя былых переселений, а отец справедливо думает о выполнении колхозного плана, как о всеобщем счастье.

Далее рассмотрим высказывания В.В. Огрызко, раскрывающие некоторые моменты творческой эволюции писателя. В Библиографическом справочнике «Писатели и литераторы малочисленных народов Севера и Дальнего Востока» (1999) критик пишет: «Отец будущего писателя очень хотел, чтоб его сын продолжил начатую им ломку и окончательно перевернул весь мансийский мир. Но Шесталов тогда еще не был готов к роли пламенного революционера. <...> Ему нравилось путешествовать по глухим деревушкам и записывать от старушек позабытые мансийские песни» [25, 420]. Перед нами предстает Шесталов – собиратель фольклора. В поездках, как отмечает

Огрызко, поэт занимается литературным творчеством: пишет первые главы повести «Синий ветер каслания», возникает идея «Языческой поэмы». Шесталов учится на Высших литературных курсах в Москве, а в Ленинграде в 70-е годы залы ломались от читателей, так как «для питерцев писатель оставался экзотическим автором» [25, 420].

В статье «После потрясений» (2003) Огрызко заявляет, что в 1960-1980 гг. советская критика повесть «Синий ветер каслания» прочитала «совершенно неправильно». К. Зелинский, Д. Романенко, Б. Комановский «не заметили» в ней то, что герой Шесталова уже настолько привык к городской культуре, что перестал понимать большую часть традиций родного народа. Каслание превращается для него в некий способ познания истории и культуры манси.

В то же время мы находим у Огрызко и такие слова: «Я помню признания хантыйского литератора Леонида Тарагупты. Волею обстоятельств Тарагупта рано оторвался от родной почвы, проведя почти все детство в интернатах. Какое-то время он полагал, что мир его деда, во многом жившего старыми преданиями, никому не нужен. И только встреча с повестью Шесталова в корне переломила отношение Тарагупты к своему происхождению. Как он признавался, Шесталов повестью «Синий ветер каслания» <...> как бы вернул его домой, к первоистокам, заставив дорожить хантыйскими корнями» [26, 209]. Ханты и манси – родственные народы, их культурные традиции переходят из поколения в поколение, не теряя своей первоосновы. Тарагупта с помощью творчества Шесталова смог вернуться к своим национально-художественным истокам культуры.

Повести Шесталов адресует широкому кругу читателей, и не каждому читающему дано вникнуть в чужую культуру. В связи с этим его книги и вызывают неоднозначную оценку, в том числе и у Огрызко. Так, «Языческая поэма» критика удивила тем, что в ней поэт «сумел замесить в одно тесто и языческие мотивы, и темы родства финно-угорских народов, и гимны Ленину, революции, большевикам, нефтяникам. <...> Что еще обидно? С годами Шесталов, безусловно, «набил руку». Он

стал свои вещи строить более изобретательно» [25, 420]. Так своеобразно критик подчеркивает творческий рост писателя.

Обратимся к статье Г.Н. Ионина «Миротворный Торум» (1999), раскрывающей творческую эволюцию писателя: «Юван Шесталов из тех, кто успел. Поэтому так поучителен путь или, как говорят, его творческая эволюция от ранних стихов «Языческой поэмы» до нынешних строк, напоминающих клинописные надписи возрожденных шумеров» [27, 15]. Ученый отмечает, что Шесталов в самом начале творческого пути с помощью именно родного слова раскрыл истоки национальной самобытности народа.

Первой перед русскоязычным читателем предстала книга «Пойте, мои звезды», в переводе М. Дудина (перевод сборника «Макем ат», 1958). «Языческой поэмой», повестями Шесталов раскрыл истоки нравственных убеждений и идеалов народа, а на современном этапе творчества, представляющем молитвы, заклинания, пророчества, само «время, переживаемое нами, кричит его голосом. И понять этот зов не так просто. Он не созвучен какофонии сегодняшних блужданий и заблуждений. Но он – одна из благих вестей о возможном спасении...» [27, 12]. Индивидуальная сложность личности Шесталова складывается из того, что все его убеждения выстраданы, рождены в нелегком внутреннем споре. Только через душевные испытания, сомнения и боль поэт обретает свое жизнелюбие и светлые идеалы.

Статья Л.М. Еремеевой «Реки вспять» (2004) издана в газете «Тюменская правда». Она раскрывает внутренний мир сегодняшнего Шесталова. Писателю статья несет положительные эмоции: «Сверкающий титул «Мэтр года» присвоено в январе мансийскому литератору Ювану Шесталову. Волна общественного признания катнула на берег не маленькую серую гальку. Твердую породу, камень космического происхождения. Я рада, что удалось полюбоваться им вблизи...» [28, 4]. Еремеева искренне высказывает свои впечатления от встречи с Шесталовым и его женой – Н. Аксариной, раскрывает настоящего Шесталова, которого по жизни ведет чувство, всплеск, внезапное озарение. Не осталось незамечен-

ным ею и одиночество поэта. Она пишет: «А с вершины на вершину, в отличие от самых талантливых людей, способны перемахивать лишь острокрылые орлы и воскресающие из небытия Крылатые Пастэры. Человеку же выпадают иногда душевные боли, разочарования, обиды и недовольство самим собой <...> Мы обречены на одиночество, приходим в этот мир одни, и так же уходим» [28, 4]. Действительно, Шесталов, имеющий достаточно широкий круг общения, одинок и очень раним. Мотив одиночества особенно остро звучит в ранних стихах поэта, и в его пока еще не завершенном произведении «Откровения Крылатого Пастэра».

Обратимся к исследованию Е.В. Чепкасова. Свой диссертационный труд ученый посвятил проблеме шаманства в произведениях писателя. В литературоведении эта тема рассматривается впервые. До этого времени в некоторых публикациях критиков были лишь отдельные высказывания о шаманских корнях поэта. Например, Солоухин увидел шаманское «нечто» в самом облике писателя, когда его «глаза за минусовыми стеклами очков еще больше расширяются и округляются; черные <...> упругие, словно проволока, волосы раздаются во все стороны <...>. В такие минуты, когда говорит в нем кровь деда, и появляются у него шаманские строки:

Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо!

Люди!

Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо!

Люди!

Если у вас еще не оглохли уши от жизни,

От жизни, летящей железной птицей,

Послушайте меня,

Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо! [6, 17].

Чепкасов доказал, что шаманство является одним из важнейших компонентов созданной Шесталовым художественной реальности. По мнению исследователя, писатель интуитивно осознавал законы сотворенного им космоса. Писатель, устанавливая законы своего художественного мира, исходит из собственного мирозерцания и идейных установок; считает шаманов хранителями народной мудрости и своими предшественниками на ниве поэзии.

Интересны выводы Чепкасова о том, что в произведениях Шесталова все шаманы-лицетворения относятся к собственно-автор-

ским образам-метафорам. Так, Росомаха похожа на Резонера из классицистической пьесы, «поскольку говорит весьма резонные речи», она озвучивает точку зрения самого автора. Интересен также двуипостасный образ Стерха. Однако этот образ характеризуется серьезностью и даже мрачностью – качествами, которые не были характерны ни для «Ювана, веселого шамана», ни для ироничной Росомахи: «Это новшество намекает на тот перелом в мирозерцании автора, который свершится во втором периоде его творчества: шаманство (точнее, религиозно-синкретическое неошаманство) станет для писателя не предметом изображения и художественного преобразования, а предметом проповеди» [29, 102]. Вывод ученого о том, что на современном этапе творчества писатель предстает в роли проповедника, пророка, шамана созвучен с нашим мнением. В целом, исследование Чепкасова, его выводы помогают осмыслить закономерности эволюции Шесталова, вплотную подводят к необходимости фундаментального исследования всего его опыта – в развитии. Такой вывод у Чепкасова лишь намечен, как отмечалось, его диссертация раскрывает поэтику произведений писателя лишь до 1988 года.

В своем диссертационном исследовании С.С. Динисламова, рассматривая эволюцию творческих исканий Ювана Шесталова, отмечает, что писатель, углубляя традиционные формы, обогатил родную поэзию новыми жанрами. Ему удалось выработать свою манеру письма, свой стиль. Стихи, поэмы, повести, публицистические очерки, эссе писателя представляют не только высокое мастерство самого автора, но и показывают возросший уровень развития мансийской литературы и обозначают ее новые ориентиры.

Динисламова пишет, что на протяжении созидательной деятельности Шесталов неизменно стремится к созданию у читателя ощущения достоверности, доподлинности изображения, он предпочитает вымыслу рассказ действительности. Автор всецело становится организатором текста, является носителем идей и способов ее воплощения, его сознание становится предметом изображения. Авторская концепция, его мировосприятие – основание художественной модели действительности, диктует принципы отбора материала.

От сборника к сборнику можно проследить рост поэта в постижении жизни: детство – юность – зрелось. Все это нашло отражение в лирическом ощущении и остроте раздумий. В творчестве последних лет у писателя все отчетливее проявляется оригинальный подход к изучению и освещению духовно-культурного наследия своего народа. Слово Шесталова, выдержав испытание временем, самым объективным и суровым критиком, «стало пророчески мудрее, устремилось в дали Космоса» [30, 26].

Шесталова можно назвать основоположником современной философии мансийского народа. Его молитвы, заклинания, пророчества звучат спасительной формулой сохранения Природы, Земли, Планеты. Писатель убежден: «Без осознания Философии Природы,

единства, цельности мира, без Космического сознания – религии грядущих тысячелетий невозможна здравая эволюция человечества» [27, 17]. На подобных убеждениях основано все творчество Шесталова в последние годы.

Обобщая данную статью, отметим, что на протяжении созидательной деятельности творчество Шесталова рассматривалось многими критиками, исследователями. В библиографическом указателе «Юван Николаевич Шесталов» (Ханты-Мансийск, 1997) отмечено 175 работ. Список качественно дополнился в последнее десятилетие. Известно, что в честь 75-летнего юбилея писателя (22 июня 2012) будут изданы два библиографических указателя: один подготовлен окружной библиотекой, второй – Югорским государственным университетом.

Литература

1. Светлов М.А. Доброго пути! // Шесталов Ю. Собр. соч. СПб. – Ханты-Мансийск: Фонд космического сознания, 1997. Т. 1. 480 с.
2. Шесталов Ю. Собр. соч. СПб. – Ханты-Мансийск: Фонд космического сознания, 1997. Т. 1-5.
3. Баландин А.Н. Предисловие // Шесталов Ю. Миснэ. Тюмень, 1961. С. 3.
4. Петров А. Дата рождения – XX век // Молодой коммунист. – 1963. – № 6. – С. 127.
5. Кутов Н. Певец возрожденного края // Звезда. – 1968. – № 4. – С. 170.
6. Солоухин В.А. Внук шамана // Шесталов Ю. Собрание сочинений. СПб. – Ханты-Мансийск: Фонд космического сознания, 1997. Т. 2. С. 21.
7. Солоухин В.А. Языческая поэма Ювана Шесталова // Шесталов Юван. Собрание сочинений. СПб. – Ханты-Мансийск, 1997. Т. 1. 526 с.
8. Прокушев Ю.Л. Основоположник // Шесталов Юван. Избранное. Л., 1976. С. 4-15.
9. Прокушев Ю.Л. Даль памяти народной. М.: Молодая гвардия, 1978. 194 с.
10. Полонский Л.В. Легенда, ставшая былью // Тюменская правда. – 1976. – № 19. – С. 3.
11. Лебедев В.Д. Манси. Очерк истории литературы. Тобольск, 1995. 124 с.
12. Шесталов Ю.Н. В краю Сорни-Най. М.: Профиздат, 1976. 303 с.
13. Качмазова Н. В сказке продолжается земля // Мансийская литература / сост. В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2003. С. 163-179.
14. Михайловская Н.Г. Русский язык в творчестве поэта // Русская речь. – 1979. – № 1. – С. 52-56.
15. Бальбуров Э. И что без бури океан! // Аврора. – 1979. – № 4. – С. 104.
16. Надь Каталин. Заметка ко дню рождения / Шесталов Юван. Собр. соч. СПб. – Ханты-Мансийск: Фонд космического сознания, 1997. Т. 2. С. 513-516.
17. Ульяшев П. Нужны мне крылья... // Литературная Россия. – 1987. – № 26. – С. 5.
18. Лавров В. Малый и большой мир поэта // Шесталов Юван. Избранные произведения. Л., 1987. С. 3-10.

19. Домокош Петер. Формирование литератур малых уральских народов. Йошкар-Ола, 1993. 215 с.
20. Лебедев В.Д. Манси. Очерк истории литературы. Тобольск, 1995. 124 с.
21. Лебедев В.Д. Моя любовь и страсть // Мансийская литература / сост. В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2003. С. 31-44.
22. Шесталов Ю. Песня полярного дня (О времени и о себе) // Литературная Россия, 1977. С. 5.
23. Соляр О.А. Изменение действительности // Мансийская литература / сост. В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2003. С. 48-51.
24. Доминик Самсон Норман де Шамбур. От упавшего с неба брата до признанного брата // Мансийская литература / сост. В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2003. С. 84-88.
25. Огрызко В.В. Юван Шесталов // Писатели и литераторы малочисленных народов Севера и Дальнего Востока. Библиографический справочник. Ч. 2. М.: Литературная Россия, 1999. 420 с.
26. Огрызко В.В. После потрясений // Мансийская литература / сост. В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2003. 208 с.
27. Ионин Г.Н. Миротворный Торум // Шесталов Юван. Собрание сочинений. СПб. – Ханты-Мансийск: Фонд космического сознания, 1997. Т. 5. С. 15-17.
28. Еремеева Л. Реки текут вспять // Тюменская правда. – 2004. – № 24. – С. 4.
29. Чепкасов Е.В. Художественное осмысление шаманства в произведениях Ю.Н. Шесталова 1955-1988 гг.: дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2005. 238 с.
30. Прокушев Ю.Л. Основоположник // Шесталов Юван. Собр. Соч. СПб. – Ханты-Мансийск: Фонд космического сознания, 1997. Т. 1. С. 26.

References

1. Svetlov M.A. Dobrogo puti! // Shestalov Ju. Sobr. soch. SPb. – Hanty-Mansijsk: Fond kosmicheskogo soznanija, 1997. T. 1. 480 s.
2. Shestalov Ju. Sobr. soch. SPb. – Hanty-Mansijsk: Fond kosmicheskogo soznanija, 1997. T. 1-5.
3. Balandin A.N. Predislovie // Shestalov Ju. Misnje. Tjumen', 1961. S. 3.
4. Petrov A. Data rozhdenija – XX vek // Molodoj kommunist. – 1963. – № 6. – S. 127.
5. Kutov N. Pevec vozrozhdenogo kraja // Zvezda. – 1968. – № 4. – S. 170.
6. Solouhin V.A. Vnuk shamana // Shestalov Ju. Sobraie sochinenij. SPb. – Hanty-Mansijsk: Fond kosmicheskogo soznanija, 1997. T. 2. S. 21.
7. Solouhin V.A. Jazycheskaja pojema Juvana Shestalova // Shestalov Juvan. Sobraie sochinenij. SPb. – Hanty-Mansijsk, 1997. T. 1. 526 s.
8. Prokushev Ju.L. Osnovopolozhnik // Shestalov Juvan. Izbrannoe. L., 1976. S. 4-15.
9. Prokushev Ju.L. Dal' pamjati narodnoj. M.: Molodaja gvardija, 1978. 194 s.
10. Polonskij L.V. Legenda, stavshaja byl'ju // Tjumenskaja pravda. – 1976. – № 19. – S. 3.
11. Lebedev V.D. Mansi. Oчерk istorii literatury. Tobol'sk, 1995. 124 s.
12. Shestalov Ju.N. V kraju Sorni-Naj. M.: Profizdat, 1976. 303 s.
13. Kachmazova N. V skazke prodolzhaetsja zemlja // Mansijskaja literatura / sost. V. Oгрыzko. M.: Literaturnaja Rossija, 2003. S. 163-179.
14. Mihajlovskaja N.G. Russkij jazyk v tvorchestve pojeta // Russkaja rech'. – 1979. – № 1. – S. 52-56.
15. Bal'burov Je. I chto bez buri okean! // Avrora. – 1979. – № 4. – S. 104.
16. Nad' Katalin. Zаметka ko dnju rozhdenija / Shestalov Juvan. Sobr. soch. SPb. – Hanty-Mansijsk: Fond kosmicheskogo soznanija, 1997. T. 2. S. 513-516.
17. Ul'jashev P. Nuzhny mne kryl'ja... // Literaturnaja Rossija. – 1987. – № 26. – S. 5.

18. Lavrov V. Malyj i bol'shoj mir pojeta // Shestalov Juvan. Izbrannye proizvedenija. L., 1987. S. 3-10.
19. Domokosh Peter. Formirovanie literatur malyh ural'skih narodov. Joshkar-Ola, 1993. 215 s.
20. Lebedev V.D. Mansi. Oчерk istorii literatury. Tobol'sk, 1995. 124 s.
21. Lebedev V.D. Moja ljubov' i strast' // Mansijskaja literatura / sost. V. Ogryzko. M.: Literaturnaja Rossija, 2003. S. 31-44.
22. Shestalov Ju. Pesnja poljarnogo dnja (O vremeni i o sebe) // Literaturnaja Rossija, 1977. S. 5.
23. Soljar O.A. Izmenenie dejstvitel'nosti // Mansijskaja literatura / sost. V. Ogryzko. M.: Literaturnaja Rossija, 2003. S. 48-51.
24. Dominik Samson Norman de Shambur. Ot upavshego s neba brata do priznannogo brata // Mansijskaja literatura / sost. V. Ogryzko. M.: Literaturnaja Rossija, 2003. S. 84-88.
25. Ogryzko V.V. Juvan Shestalov // Pisateli i literatory malochislennyh narodov Severa i Dal'nego Vostoka. Bibliograficheskij spravochnik. Ch. 2. M.: Literaturnaja Rossija, 1999. 420 s.
26. Ogryzko V.V. Posle potrasenij // Mansijskaja literatura / sost. V. Ogryzko. M.: Literaturnaja Rossija, 2003. 208 s.
27. Ionin G.N. Mirotvornyj Torum // Shestalov Juvan. Sobranie sochinenij. SPb. – Hanty-Mansijk: Fond kosmicheskogo soznanija, 1997. T. 5. S. 15-17.
28. Eremeeva L. Reki tekut vspjat' // Tjumenskaja pravda. – 2004. – № 24. – S. 4.
29. Chepkasov E.V. Hudozhestvennoe osmyslenie shamanstva v proizvedenijah Ju.N. Shestaloва 1955-1988 gg.: dis. ... kand. filol. nauk. SPb, 2005. 238 s.
30. Prokushev Ju.L. Osnovopolozhnik // Shestalov Juvan. Sobr. Soch. SPb. – Hanty-Mansijk: Fond kosmicheskogo soznanija, 1997. T. 1. S. 26.